

Елена Викторовна Рудникова¹
elena.rudnikova@mail.ru

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ МОТИВАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Исследование посвящено новейшей волне российской эмиграции. В центре внимания автора находится вопрос о степени влияния региональной специфики на мотивацию выезда из страны. Дана краткая характеристика трёх периодов эмиграции в постсоветский период (1991—1998 гг., 1998—2008 гг., после 2008 г.), различающихся её факторами и мотивами эмигрантов. Используются материалы по Новой Зеландии, одной из самых привлекательных для международной эмиграции стран мира: российские и зарубежные статистические данные, выводы научных исследований, материалы прессы и автобиографические истории постсоветских мигрантов, записанные в период 2010—2011 гг. Несколько рассказов выделены в отдельную группу (по критерию прежнего проживания информантов в Дальневосточном федеральном округе). Отмечено значительное количество эмигрантов из Дальневосточного региона Российской Федерации, сопоставимое с численностью эмигрантов из других частей страны. Опорным источником является обширное интервью 2010 г., аудиозапись которого составила 115 мин. Причиной ориентации именно на эти материалы стала специфика самого информанта — яркого представителя второго периода постсоветского переселения (1998—2008 гг.). Рассматриваются ключевые вопросы культурно-языковой адаптации. Материалы исследования подтверждают экспертное мнение о наличии сильных эмиграционных настроений у жителей Дальневосточного региона в период с 1998 по 2008 г.

Ключевые слова: постсоветские эмигранты, российский Дальний Восток, Новая Зеландия, региональные особенности новейшей российской эмиграции.

Elena V. Rudnikova¹
elena.rudnikova@mail.ru

TO THE ISSUE OF THE REGIONAL SPECIFICITIES MOTIVATION OF POST-SOVIET EMIGRATION

The research focuses on the latest wave of Russian emigration. The author focuses on the question of the degree of influence of regional specifics on the motivation for leaving the country. A brief description of 3 waves of emigration in the post-Soviet period is given: 1991—1998, 1998—2008, after 2008, differing in factors and motives of emigrants. Materials are used on New Zealand, one of the most

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

attractive countries for international emigration in the world — Russian and foreign statistics, research findings, press materials and autobiographical stories of post-Soviet migrants in this country, recorded in the period 2010—2011. Several stories were separated into a separate group (according to the criterion of the informants' previous residence in the Far Eastern Federal District). A significant number of emigrants from the Far Eastern regions of the Russian Federation was noted, comparable to the number of emigrants from other parts of the country. The reference source is an extensive 2010 interview, which was recorded on audio for 115 minutes. The reason for focusing on these materials was the specificity of the informant himself, which is a good illustration of the second wave of post-Soviet resettlement (1998—2008). Key issues of cultural and linguistic adaptation are discussed. The research materials confirm the expert opinion on the presence of strong emigration sentiments among the residents of the Far Eastern region in the period 1998—2008.

Keywords: Post-Soviet emigrants, the Russian Far East, New Zealand, regional features of the latest Russian emigration wave.

С либерализацией законодательства и принятием в 1991 г. закона «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР» эмиграция с постсоветского пространства приняла столь значительный размер, что стала широко обсуждаемым явлением в обществе, научной среде и управляющих государственных структурах. За период с 1991 по 2016 г. в зарубежные страны только из России выехало около 5,5 млн чел. [4, с. 1299]. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, доля респондентов, выражающих желание уехать за рубеж на постоянное место жительства, в 2011—2016 гг. колебалась в пределах от 11 до 13% от общего числа опрошенных, а в 2020 г. «задумывались о смене страны проживания», как и в 1991 г., опять 16%, в числе которых молодёжь 18—24 лет составила 38% [6; 7]. Приходится констатировать, что, хотя к настоящему времени реальный эмиграционный отток из России заметно уменьшился, он вовсе не исчерпал себя как большая проблема для страны, связанная в первую очередь с потерей населения в активном возрасте и квалифицированных специалистов.

За прошедшие три десятилетия постсоветской эмиграции её факторы и мотивы россиян существенно изменялись, что позволяет выделять как минимум три периода в этой волне: 1991—1998 гг., 1998—2008 гг., после 2008 г. Разделительными рубежами можно считать распад СССР и экономические кризисы в новейшей истории России. Первый период характеризуется преобладанием стрессовых миграций, зачастую вынужденных; во втором усиливается роль трудовой миграции как следствие успешного освоения зарубежных рынков труда; третий в большей степени характеризуется экономической мотивацией эмигрантов [4, с. 1299; 5, с. 44—54]. В список стран, считающихся россиянами наиболее привлекательными для эмиграции, постоянно входит Новая Зеландия — островное государство Южно-Тихоокеанского региона с сильными британскими традициями. Точный ответ на вопрос о численности бывших россиян, эмигрировавших туда после

распада СССР, отечественная статистика не даёт. В официальную отчётность попадают только лица, снявшиеся с регистрационного учёта по месту постоянного проживания в России. Так, по данным Росстата за 1997—2019 гг., в Новую Зеландию на постоянное место жительства выехали всего 2100 россиян [2]. В то же время ещё в 2006 г. новозеландские переписи зафиксировали в составе постоянного населения этой страны 7089 чел. из СССР, причём 4581 чел. были рождены в Российской Федерации. На русском языке в этот же год говорили 7893 чел., а всего лишь 10 лет назад — 3429 чел. Кроме того, часть россиян въезжает в эту страну по студенческим визам, по истечении которых нередки случаи обращения за разрешением на постоянное жительство. Например, за 10 лет — с 1997—1998 по 2007—2008 гг. — в Новую Зеландию по таким визам прибыли 3435 граждан РФ. С учётом других каналов легального въезда в страну современная численность русскоговорящих новозеландцев оценивается в диапазоне от 10 до 15 тыс. чел. [3, с. 37—38].

Анализ контента новозеландских русскоязычных изданий и различных виртуальных площадок даёт основание говорить о том, что эмигранты с российского Дальнего Востока в этой стране являются довольно заметной группой, вполне сопоставимой по численности с выходцами из европейской части РФ. Они представляют географию всего Дальневосточного региона. Преобладают жители больших городов — Хабаровска, Благовещенска, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска и Владивостока. Выходцы из них в Новой Зеландии так же амбициозны, социально активны и образованны, как и жители Москвы или Санкт-Петербурга. Социальные группы дальневосточников в масштабе всей страны по типу землячеств отсутствуют. Различные коммуникации между бывшими земляками осуществляются на межличностном уровне или в рамках различных этнических, религиозных и общественных объединений, созданных постсоветскими эмигрантами. Основными источниками для выводов в настоящей статье послужили личные рассказы российских граждан, бывших жителей Владивостока, прибывших в Новую Зеландию на постоянное место жительства или на длительное время по той или иной причине. Они были записаны в ходе свободных и неструктурированных интервью. Дискурс бесед в значительной мере зависел от темы. Одной из постоянных тем было изменение отношения респондентов к своему прошлому месту проживания в России. Многие собранные истории заслуживают отдельного изучения, но данное исследование посвящено только одной группе, в которой эти рассказы циркулируют.

Автобиографические или личные рассказы стали объектом пристального внимания социологов, психологов, антропологов и фольклористов сравнительно недавно. В них увидели важный источник изучения феноменологии повседневной жизни и культуры, объективированных в повествовательной форме; кроме того, рассказы отдельных людей о своей жизни помогают понять общественные явления различного характера, поскольку их значение определяется одновременно и личным опытом конкретного человека, и идеологией социальной группы; и наконец, демократизация общественных наук позволила исследователям увидеть в человеке активного участника научного процесса, а не пассивный объект, не имеющий самостоятельного

голоса или не достойный того, чтобы его голос был услышан. Устные рассказы об эмиграции звучат как на официальных мероприятиях, так и в домашней обстановке. Без них не обходятся дни рождения, свадьбы, юбилеи, дружеские вечеринки и проч. Более того, они составляют самостоятельный жанр в эмигрантских радиопрограммах и русскоязычных газетах, ими обмениваются в интернет-форумах. Рассказы об эмиграции являются важной частью биографий мигрантов и подолгу сохраняют эмоциональную значимость [1, с. 7—19].

Общий банк данных составили пять интервью, проведённых в период с сентября 2010 по март 2011 г. с семью информантами — бывшими жителями Приморского края. На время встречи они проживали в крупных городах Новой Зеландии — Окленде, Крайстчерче, столичном Веллингтоне и Данидине. В двух случаях семьи предпочли групповую беседу, поэтому число информантов превышает количество интервью. Все респонденты прибыли в страну в постсоветский период. Срок их пребывания в Новой Зеландии варьировал от 10 лет до 1 года. В настоящее время все они продолжают проживать там же. Аудиозаписи интервью составили примерно 3 часа и были расшифрованы и распечатаны в соответствии со звучащим оригиналом. Три встречи организовывались по предварительной договорённости, две произошли спонтанно в одном из мест общения русскоязычных мигрантов. Все интервью проведены на русском языке, родном для респондентов. Информантам предварительно объяснялась цель интервьюирования, со всеми обсуждалась возможность аудиозаписи. Во всех случаях для научной паспортизации расшифрованной аудиозаписи они предпочли вымышленные имена, но не возражали против использования личной информации, связанной с возрастом, полом, образованием, семейным положением, родом занятий и обозначением места их проживания в настоящее время. При распечатке интервью все личные имена и биографические детали, которые могли бы сделать информантов узнаваемыми другими людьми в их прежней и новой среде обитания, скрыты по их просьбе. В подобных случаях использовались различные комбинации буквы «х». Помимо интервью, в статье использованы такие дополнительные источники, как русскоязычная новозеландская пресса и русскоязычные интернет-форумы, в которых было возможным выявить Владивосток как место прошлого проживания авторов различных рассказов или высказываний. В данном случае биографические детали, открытые для всеобщего доступа самими авторами, приводятся в соответствии с оригиналами.

Опорным для выводов является самое обширное из интервью, записанное в сентябре 2010 г. Его аудиозапись составила 115 мин., а расшифровка — около 2 печатных листов. Информантом является женщина 33 лет, проживающая с 2004 г. в Окленде — самом крупном городе Новой Зеландии. «Наталья» имеет высшее образование, которое получила во Владивостоке, там же она вышла замуж и родила первого ребёнка. В настоящее время её семья имеет двух детей и проживает в собственном доме. Оба супруга работают; дети посещают школу, дошкольное учреждение и дополнительные занятия. У семьи две машины; уровень доходов позволяет тратить деньги

на разнообразный досуг, включая недалёкие путешествия. За время проживания в новой стране «Наталья» совершила длительную поездку на малую родину во Владивосток, получив возможность оценить свой прежний жизненный опыт с новых культурных позиций. Интервью проводилось по предварительной договорённости и состоялось в доме респондентки. Личное имя «Наталья» является псевдонимом, который был выбран ею самостоятельно. Беседа представляла собой свободное неструктурированное интервью, сконцентрированное вокруг одной общей темы о культурных различиях между российским и новозеландским образом жизни. Перечень вопросов, затронутых при разговоре, был довольно широк: причины и сам процесс эмиграции, языковая компетентность до и после выезда, изменение характера семейных и межличностных связей/отношений в новой среде, культурно-языковые связи с русскоязычной диаспорой, проблемы изменения этнической и национальной самоидентификации и др.

Выбор именно этого интервью для поиска ответа на вопрос о связи места прежнего проживания с мотивацией выезда из России не случаен. Это обусловлено не столько объёмом записанного материала, сколько специфичным типом самого информанта. Беседа проводилась с человеком, не испытывавшим ранее никаких гонений (политических, религиозных, этнических и т.п.). Женщина успешно прошла все стадии социализации в России, добившись определённых успехов в образовании и хорошего материального положения. Особых экономических трудностей семья не испытывала. Уровень совместных с мужем доходов, помощь родственников позволяли безбедно жить и в России. Можно утверждать, что «Наталья», уехавшая из РФ в 2004 г., является по сути ярким представителем постсоветской эмиграции третьего периода, начавшегося после 2008 г., таких людей «вытаскивали» из страны не лишения и поиск заработков. Это доказывается и тем, что целью была эмиграция именно из страны, а не переезд в другой регион России: *«Я хотела всегда лучшего! Я такая максималистка... Меня пугало всё — от детского садика до школы, никаких перспектив... Мои друзья до сих пор меня не понимают, хотя мои друзья в финансовом отношении живут, наверное, на две головы выше меня... А тогда они жили на десять голов ниже нас... Они говорили: „Вы четырьмя руками разрушили всё, что вы легко создали после свадьбы“... Сейчас эти люди приезжают и говорят: „Бог ты мой!..“ Они все там хорошо живут, тоже в крутых там домах... и завидуют нашему дому вот без ничего, без ремонта, без ничего... они говорят: „Господи, как тихо, и спокойно, и мирно... Как хорошо, вот“...»* [здесь и далее курсивом: ПМА. Аудиозапись от 29.09.2010]².

² Рудникова Е.В. Полевые материалы автора (ПМА), распечатка аудиозаписи от 29.09.2010 г. в 7 частях (16, 1, 35, 4, 3, 17 и 39 мин., всего 115 мин.), сделанной в г. Окленд, Новая Зеландия, респондент «Наталья». При цитировании оригинальной речи знак «...», или многоточие, означает паузу, сделанную информантом; пять точек «.....» — пропуск некоторых слов и высказываний. Характеристика эмоционального поведения информанта во время интервью передаётся в том числе и ремарками автора статьи, сделанными по ходу цитирования и заключёнными в круглые скобки. Например: (смеётся), (улыбается) и т.п.

Об эмиграции семья задумалась через три года после дефолта 1998 г. Инициатором была «Наталья», которую поддержала её мать: *«Перед самым Новым Годом мы решили — что-то нужно делать... нас не устраивало наше бытие, да... житие-бытие во Владивостоке (смеётся), и я сказала... „Ну каким ты видишь выход?“ Он говорит: „Меня сокращают“... А 2000 год это был, это была самая клоака, самая лужа всего... т.е. всё настолько там обесценивалось... ну просто реально не было ни денег, ни возможностей, он говорит: „Я не вижу никакой возможности, ну и в море тоже я так ходить не могу, потому что ребёнок“, — говорит... Мы планировали второго ребёнка, мы хотели, мы знали, что у нас обязательно будет второй ребёнок, меньше как о двух мы никогда не думали, хотели и больше... У нас уехала знакомая, она уехала в Австралию и очень сильно приглашала мою маму... люди с такими руками и с таким талантом, как она... Моя мама была одна из тех, кто поднял фирму „ХХХ“, и за это ей ничего не заплатили.... Маме платят, допустим, сто рублей, а продают там за семьсот долларов... т.е. это было очень жестоко... Я сказала: „Всё, мама, ты там работать не будешь, потому что это просто себя не уважать“... Мама и говорит мне: „Может, вам с мужем попробовать?“ Ну, просто сказала... Я говорю: „Мам, да что ты — где родился, там сгодился“. ...Вообще, мы не думали даже об эмиграции... А когда это всё... у меня мысли стали просто лихорадочно... и мы за один вечер нарисовали себе полностью картину, как мы все здесь у нас... собираемся (смеётся) и уезжаем... всё! — мы уже там... мы настолько явственно себе это представили, что мы собрались...».*

С начала 2001 г. семья начала так активно заниматься поисками возможных путей эмиграции, что «Наталью» временами даже пугала решительность мужа: *«На следующий день мы проснулись... молчание и всё... проходит Новый Год... это когда вот эти длинные праздники, когда ничего не работает, и где-то числа, наверное, десятого он мне говорит: „Ну что... — я пошёл!“ Я говорю: „А куда, простите?“ А он говорит: „Как куда? Пошёл узнавать, как уехать в Австралию“...».*

Желание уехать не «куда», а «откуда» было характерной чертой постсоветской эмиграции 1998—2008 гг. В Новую Зеландию пытались отправиться даже те, кто слабо представлял её расположение на карте. «Наталья» говорила, что эта страна сначала даже не рассматривалась ими для эмиграции: *«...маленькая, бесперспективная, далеко... острова какие-то там непонятные... пушку наведи и всё, острова... (смеётся)... ну вот, как мысли наши русские... Я конкретно на Австралию настроилась и говорю мужу: „Всё, мы едем с тобой в Австралию!“ И всё — мы решили, мы решили... Всё!».* В итоге выбор пал всё же на Новую Зеландию с её более мягкими эмиграционными требованиями на тот момент и значительно менее затратной процедурой оформления выездных документов. Однако, более чем переплатив за юридическую помощь одной из владивостокских организаций (*«...они у нас взяли деньги, очень большие деньги, за такие деньги можно было купить квартиру большую, вот, хорошую квартиру...»*), только через три года семья смогла отправить в далёкую страну мужа «Натальи»... по студенческой визе. В Новой Зеландии, вопреки обещаниям посредников, его не ждали ни место работы, ни место

учёбы. Более того, как оказалось, все необходимые документы были сделаны неправильно. Через некоторое время «Наталья» с маленьким ребёнком выехала к мужу, который смог найти работу. Он много и напряжённо трудился, первым осознав серьёзность последствий их совместного выбора: *«Когда я сюда приехала, я была в шоке! Я выла каждый день, вообще каждый день, т.е. так получилось, что муж вставал очень рано, в пять утра, здесь вообще люди рано встают... как вы, наверное, уже обратили внимание, и ложатся раньше, конечно... а не в час ночи, как мы привыкли. И он так вставал сильно... он работал в овертайме, сверх времени за определённую плату... нужно было срочные заказы делать, и как бы хозяин был готов больше платить...».*

В начале экономического кризиса 2008 г. муж «Натальи» попал под сокращение. Семье пришлось пройти через финансовые и психологические испытания: *«Вот это конечно да... вот это стоит пройти! (смеётся) И с 2007 по 2009 год это были ужасные годы вообще, ужасные... Сходились, расходились, в смысле — всё это в пределах одного дома, это было вообще <...> Все смеялись над нами, нам говорили, что мы жизнь свою пустили под откос... сами... вот своими двумя руками... четырьмя... в четыре руки... вы разрушили всё, что только можно было...».* В этот период «Наталья» поймёт и полностью примет необходимость ответственности за благополучие семьи в новом обществе, больно ломающей российские гендерные стереотипы поведения. Ей пришлось активно учить английский язык, искать работу и заниматься уже двумя детьми.

В отличие от мужа, на момент отъезда свою языковую компетенцию «Наталья» оценивает как нулевую, вспоминая проблемы с отсутствием преподавателей английского в школе и вузе. Свой уровень владения языком на момент интервью она оценивала как «абсолютно средний»: *«У меня не очень хороший английский, я бы не сказала, но этого английского мне абсолютно достаточно, чтобы объясниться где угодно и с кем угодно. Т.е., если я даже завтра предстану перед премьер-министром, у меня не будет проблем вообще, я всегда смогу объяснить ему, может, немножко ломаным там, коряво, но он меня поймёт».* Описывая свой начальный уровень, она со смехом приводит рассказ об общении с координатором игрового центра для детей дошкольного возраста: *«Плэй-центр — это куда можно придти с детьми, это бесплатная организация... т.е. берёшь малыша и вперёд с ним там на полдня, а после трёх лет раз или два в неделю ты его представляешь, допустим, с 9 до 12... Ну, так мне что-то надо было делать... что ж я сию... Погода отвратительная... вот мы с детьми в этот плэй-центр и ездили. Вот. И в общем, не понимала. Там до абсурда доходило... Вот если рассказать, какие курьёзы... они мне начинают про животных говорить, а я говорю: „У нас нету никаких животных... нету...“, а они мне: „Вот у нас день животных“, выясняется, что они меня в зоопарк приглашали! Т.е. спрашивают: „Вы поедете в зоопарк или нет?“ (смеётся), а я всё говорю: „У меня нету никаких животных!.. У нас нету никаких пэтс, ноу!“.... А они... вы знаете, ну есть тупость людская... один и тот же вопрос, одну и ту же фразу... 20 раз спросит, вместо того чтобы перефразировать её... или что-то там как-то это... интонация там... жестикуляция...».*

ну я не знаю, жестикулировать там что-то... мимика там как-то... язык чего-то там... тела, ну не знаю! Вот она меня 20 раз одним и тем же тоном! Одно и то же! Вообще... Я себя чувствовала полным ничтожеством! (смеётся) С ребёнком на руках... такая дура-нянька... (смеётся)».

На вопрос об этнической самоидентификации после семи лет жизни в новой среде «Наталья» отвечает не задумываясь: «Я — русская... Я всегда буду русской... Я уже не буду никакой, я не смогу быть ни канадкой, ни австралийкой, ни новозеландкой — я русская...». Но дальнейшие вопросы о том, кем будут ощущать себя её дети, уже сейчас прекрасно и без акцента говорящие на английском, заставляют её задуматься над «русскостью» в себе и тем, что она противопоставляет принимающему обществу, кроме собственно родного языка. «Когда меня спрашивают про Россию... я горжусь... конечно, смотрю по ситуации... но есть ситуации, когда я даже не говорю, что я из России.... Поэтому я иногда молчу... это редко бывает, но если я чувствую, что это не к месту, то я об этом говорить не буду <...> У меня есть, да, какая-то национальная гордость и всё такое, но эта гордость тает, когда меня первым делом спрашивают, а вот мы были в вашем детдоме, и вот куда-то моя гордость начинает... а вот мы видели ваших бездомных, а мы видели вашу грязь на улице... Причём это люди, которые очень хорошо к России относятся, которые не то что просто меня опустить хотят там или это... А просто они спрашивают: „Ты вот русская, а как ты вот к этому относишься? Что вы-то русские для этого делаете?“». По признанию других респондентов, на традиционный вопрос местных жителей к иммигрантам «Откуда вы?» они предпочитают называть... Польшу. Объясняя это тем, что мало кто в Новой Зеландии знает, где эта страна, и нет у неё такого противоречивого имиджа, как у России того времени.

Через два года после эмиграции «Наталья» приехала на две недели во Владивосток с целью навестить родителей и привести в порядок некоторые дела. Визит описывается ею как культурный шок: «Я вот, когда сама туда ездила, я уже смотрела на всё глазами больше как здесь, и меня шокировало всё... Меня шокировало, тихо бесило и раздражало буквально всё! <...> Я туда рвалась!... Подспудно я очень боялась этой поездки... одна, с детьми... я понимала, конечно, там мама, там папа и всё такое... меня там не бросят, и я всё равно знала, что я там буду одна, у меня какое-то чувство одиночества... так вот оно и получилось. Т.е. я там пробыла, посмотрела всё это, мы там очень хорошо время провели... ну естественно, в кругу семьи... но в последний месяц я хотела уехать каждый день.... у меня уже депрессия началась... я уже ждала выезда как второго пришествия.... Я уже больше не могу в России... по сей день! Как отшептало... Это при всём том, что я себя считаю кореным приморцем, ну и вообще там, я из Владивостока, никогда этого не стыдилась совершенно...». На момент интервью прошло всего семь лет после выезда семьи «Натальи» из России. По определяемым в современной эмигрантологии средним срокам для периода адаптации это — норма, после которой обратно обычно не возвращаются. «Наталья» уже не столь категорична в неприятии инокультурных норм и правил жизни, но более критична в отношении своего прошлого. Безусловно, это один из маркеров успешной адаптации.

Факт существования значительной дифференциации эмиграционной активности населения различных регионов России подтверждается опросами и российской статистикой. При этом разные федеральные округа показывают различную динамику. Стабильно высокие значения имеют Уральский, Сибирский и Дальневосточный [4, с. 1304—1306]. Постсоветская эмиграция из последнего в 1998—2008 гг. имела много общего с остальными участниками волны в целом. Данный процесс был также мотивирован не положительными или «притягивающими» в те или иные страны людей факторами, а отрицательными, «выталкивающими» их из России. Конкретный набор последних факторов и является по сути «региональной составляющей» мотивации выезда из страны.

Все информанты из референтной группы исследования отзываются о своём прежнем месте проживания безо всякого сожаления и особой ностальгии. «Наталья», посетив малую родину, сказала: *«Я когда разговариваю про Россию, у меня единственное есть желание — когда дети вырастут, я свожу их в Москву и Санкт-Петербург, посмотреть на всё вот, наше культурное наследие, скажем так... Всё! Про Владивосток — я не хочу туда даже ехать! Недавно мы даже с мужем разругались — он сказал: „Вот зарабатываем денег и съездим“... Я сказала, что... я специально создаю такие факторы (смеётся)... я сказала, что пока мы гражданства не получим, мы никуда не поедём... Когда на гражданство подаёшь, ты должен объяснять, почему ты там ездил... До гражданства он меня не трогает... это очень хорошо. Я никуда не хочу ехать. Вообще! Т.е. эт ол! [at all — англ.]. Я вот сижу и мне очень хорошо!».*

Суровый климат, оторванность от культурных центров, нестабильные доходы, хаотичная организация жизненного пространства, коррупция и бюрократические препоны, жёсткая социальная иерархия, связанная с финансовым статусом, — это то, что вспоминается и обсуждается как специфический дальневосточный негатив, на преодоление которого необходимо длительное время. В то же время бывшие дальневосточники пристально следят за событиями в России и на малой родине. Как отмечают психологи, с одной стороны, эмигранты нуждаются в подтверждении правильности своего выбора (если на родине всё по-прежнему плохо), но с другой — им хочется иметь за собой сильную и независимую страну, отблеск побед и достижений которой заставит их не думать, когда можно говорить о том, что ты из России, а когда лучше промолчать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еленевская М.Н., Фиалкова Л.Л. Русская улица в еврейской стране: Исследования фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. Ч. 1. 353 с.
2. Росстат: федеральная служба госстатистики. Выбывшие из РФ за 1997—2019 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migr2.xls> (дата обращения: 01.03.2021).

3. Рудникова Е.В. Русскоязычные иммигранты в этнической структуре Новой Зеландии (по данным новозеландских переписей населения конца XIX — начала XX вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 1. С. 34—40.
4. Рязанцев С.В., Храмова М.Н. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1298—1311.
5. Савоскул М.С. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в конце XX — начале XXI вв. // Вестник Московского университета. 2016. № 2. С. 44—54.
6. Эмиграционные настроения россиян в 2016 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracziionnye-nastroeniya-2016-protiv-techeniya> (дата обращения: 01.03.2021).
7. Эмиграционные настроения россиян в 2020 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracziionnye-nastroeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (дата обращения: 01.03.2021).
8. ПМА (Рудникова Е.В. Полевые материалы автора).

REFERENCES

1. Elenevskaya M.N., Fialkova L.L. *Russkaya ulitsa v evreyskoy strane: Issledovaniya fol'klora emigrantov 1990-kh v Izraile* [Russian Street in a Jewish Country: Research on the Folklore of Emigrants of the 1990s in Israel]. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2005, part 1, 353 p. (In Russ.)
2. *Rosstat: federal'naya sluzhba gosstatistiki. Vybyvshie iz RF za 1997—2019 gg.* [Rosstat: Federal State Statistics Service. Departed from the Russian Federation for 1997—2019]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migr2.xls> (accessed 01.03.2021). (In Russ.)
3. Rudnikova E.V. Russkoyazychnye immigranty v etnicheskoy strukture Novoy Zelandii (po dannym novozelandskikh perepisey naseleniya kontsa XIX — nachala XX vv.) [Russian-speaking Immigrants in the Ethnic Structure of New Zealand (According to New Zealand Censuses of the Population of the Late XIX — Early XX Centuries)]. *Oyкумена. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2015, no. 1, pp. 34—40. (In Russ.)
4. Ryazantsev S.V., Khramova M.N. Faktory emigratsii iz Rossii v postsovetskiy period: regional'nye osobennosti [Factors of Emigration from Russia in the Post-Soviet Period: Regional Features]. *Ekonomika regiona*, 2018, vol. 14, iss. 4, pp. 1298—1311. (In Russ.)
5. Savoskul M.S. Emigratsiya iz Rossii v strany dal'nego zarubezh'ya v kontse XX — nachale XXI vv. [Emigration from Russia to Countries Far Abroad in the Late XX — Early XXI Centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 44—54. (In Russ.)
6. *Emigratsionnye nastroyeniya rossiiyan v 2016 g. Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* [Emigration Sentiment of Russians in 2016. All-Russian Center for the Study of Public Opinion]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracziionnye-nastroeniya-2016-protiv-techeniya> (accessed 01.03.2021). (In Russ.)
7. *Emigratsionnye nastroyeniya rossiiyan v 2020 g. Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* [Emigration Sentiment of Russians in 2020. All-Russian Center for the Study of Public Opinion]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/emigracziionnye-nastroeniya-2020-gde-rodilsya-tam-i-prigodilsya> (accessed 01.03.2021). (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 23.03.2021